

Иванова-Казас О. М.

ВОСПОМИНАНИЯ О ПЕТРЕ ПАВЛОВИЧЕ ИВАНОВЕ

Описание жизненного пути и анализ научного наследия Петра Павловича (П. П.) Ив́анова уже даны в статьях Л. Н. Жинкина (1949) и П. Г. Светлова (1958). Поэтому я буду писать преимущественно о тех обстоятельствах и событиях жизни П. П., свидетельницей которых была сама, и о П. П. как человеке. Полностью присоединяясь к данной Жинкиным и Светловым характеристике П. П. как человека самых высоких моральных качеств, я все-таки считаю нужным подчеркнуть его крайнюю скромность.

Хотя Петр Павлович был очень крупным ученым, и вся его научная жизнь, начиная со студенческих лет и до его кончины, протекала в Петербургском, а потом Ленинградском университете, но он на моей памяти заведовал там лишь крошечной лабораторией при кафедре генетики, которая помещалась на 10-й линии Васильевского острова. Весь штат этой лаборатории состоял из него самого, одной ассистентки и одного препаратора. В 1930-х гг. у П. П. была также одна аспирантка, а в его лаборатории специализировалось двое студентов.

Ассистентка Петра Павловича (Агафонова Мария Васильевна) научной работой не занималась, она только вела практические занятия со студентами и заведовала хозяйством, причем была так прижимиста, что выклянчить у нее клочок фильтровальной бумаги было очень трудно. Она не только не была помощницей П. П., но даже иногда была помехой. Во всяком случае, однажды П. П. сказал в сердцах: «Мария Васильевна — это мой крест!» Только в 1939 г. появился лаборант — Сергей Иванович Богомолов, который стал очень полезным и деятельным членом лаборатории и буквально боготворил Петра Павловича. Да и сам П. П. относился к нему доверительно и беседовал с ним не только на научные темы. Он добывал нужных для научной и учебной работы животных, изготавливал некоторые реактивы и сам занимался наукой — изучал эмбриональное развитие турбеллярий. Но в научной работе П. П. он не участвовал, так как П. П. предпочитал работать без помощников, сам изготавливал препараты, делал рисунки, фотографии и т. д.

Но Петр Павлович совершенно не умел добиваться у администрации штатных единиц, оборудования и необходимых для работы денег. Значение П. П. на факультете явно недооценивали. Как это ни прискорбно, но среди ученых иногда тоже происходит борьба за существование — каждый заведующий старается получить как можно больше для своей кафедры или лаборатории за счет других, а у П. П. необходимых для такой борьбы бойцовых качеств не было.

В то же время Петра Павловича очень ценили в других научных учреждениях. Еще в 1912 г. Петр Павлович стал ассистентом на кафедре зоологии в Психоневрологическом институте. Позднее этот институт стал медвузом, а курс зоологии заменили курсом общей биологии (в 1924 г.). К этому времени П. П. уже получил звание профессора и стал заведующим соответствующей кафедры. Разработанная им программа лекционного курса была очень высоко оценена и официально признана типовой для всех медвузов. В этом институте П. П. проработал почти 30 лет.

А в 1932 г. А. А. Заварзин, заведовавший отделом общей морфологии во Всесоюзном институте экспериментальной медицины (и ставший потом действительным

членом АН СССР), предоставил в распоряжение Петра Павловича хорошо оборудованную лабораторию эмбриологии с благоприятными во всех отношениях условиями работы и с тремя научными сотрудниками; это были О. А. Сидоров (ученик московского эмбриолога Д. П. Филатова), О. В. Чекановская и Л. Н. Жинкин.

Таким образом, с сожалением приходится признать, что университет, который был для Петра Павловича *alma mater*, относился к нему в последние годы его жизни скорее как мачеха.

Переходя к описанию моих личных контактов с Петром Павловичем, я вынуждена (хотя это, может быть, и не очень скромно) кое-что сказать и о себе. Я поступила на биологический факультет ЛГУ в 1931 г. В тот год (а учебные планы в университете почему-то все время изменялись) специализация студентов началась с 1-го курса. Я была зачислена на кафедру зоологии беспозвоночных животных, которой тогда руководил замечательный ученый (впоследствии чл.-корр. АН) В. А. Догель. А П. П. Ив́анов читал лекции по эмбриологии для всех зоологов 3-го курса.

Эмбриология была самым интересным предметом на 3-м курсе, но слушать лекции Петра Павловича было довольно трудно. Он читал очень тихим, глухим (замогильным) голосом, так что многие студенты клевали носом. Но по содержанию его лекции были очень интересными. Мы — я и моя подруга Варя (Варвара Алексеевна Цвиленева), слушали его внимательно и вскоре увлеклись эмбриологией. По вечерам мы стали задерживаться в этой лаборатории, весной вместе с аспиранткой Петра Павловича Ксенией Александровной Калининой делали искусственное осеменение лягушачьей икры, наблюдали развитие зародышей и головастиков, а потом сделали попытку перейти для специализации к Петру Павловичу. Но Догель ее решительно пресек, справедливо заметив, что и на его кафедре при желании можно заниматься эмбриологией беспозвоночных. Все это завершилось тем, что мы получили эмбриологические темы для дипломных работ.

От нас эмбриологией «заразился» и наш однокурсник Алеша (Алексей Георгиевич Кнорре). Позднее он сочинил «Кафедральный гимн», в котором пытался отразить основные направления специализации студентов на нашей кафедре (это были паразитология, эмбриология и протистология). Но самым удачным оказался, естественно, эмбриологический куплет:

Вспомни, друг, как развивается яйцо,
Как меняет эмбрион свое лицо.
Самый факт палингенеза,
Нам он нужен до зареза,
Самый факт палингенеза налицо!
Да здравствуют Мюллер и Геккель,
В свиные ли, в человеке ль —
Повсюду вершится их закон!

В то время сформулированный этими авторами биогенетический закон еще пользовался всеобщим признанием; сокрушительный удар ему нанесла монография А. Н. Северцова, вышедшая на русском языке в 1939 г.

На 3-м курсе начал работать также учебный кафедральный семинар. Хотя на этом семинаре в роли докладчиков выступали главным образом студенты и аспиранты, он проводился на таком высоком уровне, что на него охотно приходили зоологи из других научных учреждений. Постоянными посетителями его были также Петр Павлович

и его сотрудники. Каждый год доклады посвящались какому-то определенному кругу вопросов. Первый цикл докладов, в сущности, имел эмбриологический характер и касался зародышевого листка — мезодермы, ее происхождения и производным. На нем было зачитано 7 докладов. Варин доклад назывался: «Мезодерма и теории ее возникновения», мой — «Вторичная полость тела и теории происхождения целома», Алешин — «Первичная полость тела и происхождение кровеносной системы», рассматривалась также связь мезодермы с половой функцией и половым зачатком.

А на 5-м курсе учебный семинар нашей кафедры проводился совместно с лабораторией Петра Павловича. Этот цикл докладов проходил под общим названием «Сущность и значение метаморфоза». Цвиленева сделала доклад «Личинка как самостоятельный организм», а мой доклад назывался «Неотения». Он оказался первой сводкой по неотении и в 1936 г. был опубликован в журнале «Природа». На этом же семинаре делала доклад наша однокурсница Лидия Константиновна Титова, которая специализировалась в лаборатории самого П. П. Он был посвящен особенностям гистологической дифференциации в личиночных и имагинальных зачатках у насекомых.

Как можно видеть из вышесказанного, между кафедрой зоологии беспозвоночных и лабораторией П. П. постоянно поддерживался рабочий контакт.

Поскольку нам троим (Цвиленева, Кнорре и мне) были даны темы дипломных работ по развитию морских беспозвоночных (полихет, мшанок и асцидий), летом 1935 г. мы отправились для сбора необходимых материалов на беломорскую станцию Гидрологического института. Там мы ближе познакомились и очень подружились с К. А. Калининой, которая была послана туда для ознакомления с морской фауной и тоже для сбора материалов, предназначенных для изготовления учебных препаратов по эмбриологии. Некоторые из сотрудников этой станции помогли нам хорошим знанием морской фауны, но они не умели содержать морских животных в аквариуме и не разбирались в эмбриологии. Поэтому мы, не имея опыта самостоятельной работы в полевых условиях, оказались довольно беспомощными. Впрочем, лично мне повезло — мне попалась живородящая асцидия, в теле которой находилось множество зародышей на разных стадиях развития, так что мне удалось получить также личинок и проследить их метаморфоз, и дипломная работа была мне обеспечена. А Цвиленева и Кнорре не посчастливилось — собранных ими материалов оказалось недостаточно для дипломной работы; на их счастье в тот год защита диплома была не обязательна, вместо этого можно было сдать госэкзамены.

Но Петр Павлович уже хорошо знал нас, наши наклонности и способности. Поэтому после окончания университета мы все трое были приняты в его лабораторию в ВИЭМе в качестве аспирантов; туда же поступила работать Л. К. Титова, а позднее и К. А. Калинина. Конечно, это стало возможным только благодаря тому уважению, которое питал А. А. Заварзин к П. П. Предполагалось, что я и Кнорре будем продолжать работу над темами, полученными еще в университете, а Цвиленева П. П. предложил заняться изучением ларвальных и постларвальных сегментов у циклопа.

Надо, однако, сказать, что П. П. был не из тех руководителей, которые дают своим подопечным четкую программу работы и регулярно контролируют ее выполнение; он предоставлял им полную свободу, но в случае каких-нибудь затруднений к нему всегда можно было обратиться за советом. Отчасти поэтому Цвиленева и Кнорре поддались обаянию личности А. А. Заварзина и стали отклоняться от эмбриологии к гистологии; только я осталась верна эмбриологии до конца. Как бы

то ни было, все мы благополучно защитили кандидатские диссертации и получили определенные установки для последующей научной работы. Много лет спустя (уже после смерти П. П.) мы защитили и докторские диссертации, а Кнорре даже стал членом-корреспондентом АМН.

После окончания аспирантуры Петр Павлович принял меня — теперь уже на должность ассистента — на руководимую им кафедру общей биологии 2-го Ленмединститута. При всей мягкости характера П. П., на его кафедре соблюдался полный порядок и царил трудовая атмосфера. Лекции читал сам П. П. и доцент Д. М. Штейнберг, а практические занятия вели ассистенты — С. М. Розанов, В. Л. Вагин и я. Кроме того, там было две лаборантки — А. А. Чубинская и А. Г. Цимеринова.

До этого я еще не имела опыта педагогической работы. Каждое практическое занятие по биологии начиналось довольно обстоятельным объяснением. Хотя курс общей биологии для медиков был невелик и укладывался в первое учебное полугодие, он был очень содержательным и включал элементы зоологии, генетики, эволюционного учения, сведения о фотосинтезе, коллоидной химии и т. д. Теперь многие из этих разделов биологии читаются в мединститутах как специальные курсы. Поэтому мне пришлось вспомнить и по-настоящему осмыслить предметы, с которыми после сдачи соответствующих студенческих экзаменов мне больше не приходилось иметь дело. На первых порах я немного трусила, но Петр Павлович подбодрил меня мудрой пословицей: «Не боги горшки обжигают». Практические занятия проводились в большой проходной комнате. После первого моего занятия я узнала, что во время объяснения П. П. стоял за шкафами, слушал и остался доволен.

В отношении научной работы Петр Павлович предоставлял своим сотрудникам заниматься тем, что их интересует. Д. М. Штейнберг занимался экспериментальным изучением метаморфоза насекомых — он удалял имагинальные диски (зачатки) крыльев и выяснял морфогенетические потенции различных участков гиподермы у личинок жука-листоеда *Melasoma*. С. М. Розанов изучал процессы регенерации у олигохеты *Lumbriculus*, В. Л. Вагин — эмбриональное развитие паразитического ракообразного *Ascothorax*. А я решила заняться изучением развития млекопитающих, но находилась еще на подготовительной стадии, только еще читала соответствующую литературу и начала делать препараты из зародышей белых мышей. А сам Петр Павлович своей научной работой занимался на 10-й линии.

В предвоенные годы на 10-й линии у Петра Павловича несколько раз устраивались новогодние елки. На них присутствовало около 15 человек, которых объединяли не служебные, а научные и дружеские отношения. П. П. сам мастерил свечи и некоторые нестандартные украшения. Происходило что-то вроде художественной самодеятельности и скромный ужин в складчину. Все это имело теплый, почти семейный характер. Но это благоденствие вскоре было нарушено.

В воскресенье 22 июня в 10 часов утра А. В. Иванов (ассистент кафедры зоологии беспозвоночных) и я зашли к Петру Павловичу домой, чтобы обсудить некоторые дела, связанные с подготовкой к печати сборника научных работ, посвященного 100-летию А. О. Ковалевского. Покончив с деловой частью нашего визита, П. П. стал оживленно рассказывать о своей поездке на о. Яву в 1906 г., принес привезенные оттуда экзотические одежды, стал показывать на себе, как их носят, и т. д. Мы ушли от него в самом приятном настроении. Хотя после этого я видела П. П. еще много раз, почему-то я вспоминаю эту встречу как последнюю.

Но в 12 часов мы слышали по радио сообщение о начале войны. Хотя угроза войны давно витала в воздухе, это сообщение произвело на всех ошеломляющее впечатление. У нас на кафедре общей биологии сначала все находилось в состоянии возбужденной растерянности. Наши прежние занятия стали казаться бессмысленными, надо было делать что-то другое, но что именно? Еще не старые мужчины поспешили записываться в армию добровольцами. А мы, женщины, стали наклеивать на оконные стекла перекрещивающиеся полоски бумаги — предполагалось, что это сделает стекла более устойчивыми к взрывной волне. Потом, конечно, мы рыли окопы и дежурили на чердаке для обезвреживания зажигательных бомб.

А 1 сентября начались, как обычно, учебные занятия. Хотя все мальчики были мобилизованы, количество учащихся пополнилось за счет студенток, которым удалось уйти из оккупированных немцами западных областей. Обе наши лаборантки имели детей и успели эвакуироваться до начала блокады, но у нас появилась новая лаборантка — только что окончившая догелевскую кафедру Рахиль Ефремовна Альбова. Взамен ушедшего на военную службу Д. М. Штейнберга лекции стал читать А. П. Римский-Корсаков.

Потом началась блокада. Чувство голода покидало нас только во сне, и мы прилагали большие усилия, чтобы раздобыть что-нибудь съедобное. Когда у нас на кафедре прошло занятие по коллоидам, сотрудники разделили между собой оставшийся желатин. После занятия по вариационной статистике, на котором студенты измеряли длину каких-то крупных бобов, эти бобы тоже были разделены между сотрудниками и съедены (мне достался неполный стакан). Но блокадные трудности не сводились к голоду. Очень скоро не стало электричества, и приходилось пользоваться коптилками. В учреждениях и многих жилых домах не оказалось топлива. Из-за этого вышли из строя водопровод и канализация.

Когда перестал работать и городской транспорт, на работу приходилось ходить пешком, что многим ослабевшим людям было уже не под силу. Наша кафедра помещалась очень далеко от центра (на Казачьей улице возле Бехтеревской больницы), и добираться туда было трудно. Петр Павлович и Римский-Корсаков очень скоро перестали приходить на кафедру, а Вагин приходил только раз в месяц, чтобы получить зарплату и продуктовые карточки. При этом он прежде всего выпивал полстакана глицерина, надеясь таким образом поддержать свои силы.

Люди (и в первую очередь мужчины) стали умирать из-за дистрофии. Из наших сотрудников первым умер С. М. Розанов. Это был симпатичный маленький старичок с козлиной бородкой (студенты ласково называли его между собой козлик). Потом пришла на кафедру его вдова и рассказала, что достать гроб ей не удалось, пришлось изготовить его из шкафа и заплатить мастеру за работу хлебом из своего пайка.

В октябре наше здание решили законсервировать, а оставшихся сотрудников (т. е. меня, Альбову и уборщицу), а также все, что нужно для продолжения педагогического процесса, перевести поближе к центру (в дом на 2-й Советской улице). В это время на 1-м курсе оставалось не больше 20 студентов. Тем не менее мы с Альбовой довели наш курс до конца и приняли экзамены.

После Нового года снабжение города продовольствием значительно улучшилось, отчасти из-за того, что население города уменьшилось в несколько раз, и благодаря тому, что начала работать «дорога жизни» по льду Ладожского озера. В некоторых учреждениях были организованы так называемые стационары. Поме-

ценным туда людям в течение двух недель предоставляли покой, тепло, горячую пищу, немного масла и сахара. Это удивительно, что такая незначительная прибавка к рациону многих людей поставила на ноги, но далеко не всех. В феврале 1942 г. в стационаре умер А. П. Римский-Корсаков.

Стала возможной и эвакуация людей из Ленинграда. Университет тоже стал готовиться к эвакуации оставшихся сотрудников; я решила уехать вместе с мужем — А. В. Ивановым. В феврале у меня еще хватило сил сходить с Литейного проспекта, где я жила, до больницы им. Мечникова, где помешалась канцелярия 2-го Мединститута, чтобы уволиться и забрать свои документы, и вернуться домой. В первых числах марта наш эшелон вышел из города.

Кажется следующим (2-м) эшелоном уехал и П. П. Ив́анов с семьей, но он и его супруга уже так ослабели, что в Костроме их сняли с поезда, и оба они умерли в больнице. В статьях Жинкина и Светлова дата смерти П. П. указана неправильно — 15 февраля. Как я уже писала, наш (1-й) эшелон отбыл из города в начале марта, а П. П. эвакуировался после нас. Значит, в феврале находиться в Костроме он не мог (должно быть, отмеченная ошибка касается только месяца и обусловлена опечаткой). Где похоронен П. П. Ив́анов, точно не известно.

Последней из моих знакомых, кто видел Петра Павловича еще живым, была аспирантка кафедры зоологии беспозвоночных М. М. Волкова. Перед эвакуацией Ив́ановы жили на территории университета, так как их квартира пострадала при бомбежке. Волкова зашла к ним, чтобы передать продуктовые карточки. Войдя, она увидела следующую картину: посреди комнаты стояла «буржуйка» — небольшая печьку кустарного производства, которая давала тепло и на которой можно было вскипятить чайник с водой или сварить картошку (если таковую удастся достать). А вокруг нее на полу сидели Петр Павлович и члены его семьи и ползал его годовалый внук. Такая их позиция объяснялась тем, что «буржуйка» сильно дымила и вся верхняя половина комнаты была в дыму. Дышать можно было только в пространстве не выше одного метра от пола.

После окончания Великой Отечественной войны стали возвращаться с фронта или из эвакуации люди, так или иначе связанные с Петром Павловичем. Вернулась и я, но на работе в мединституте не восстановилась, так как во время войны была принята ассистентом на кафедру зоологии беспозвоночных ЛГУ. В феврале 1946 г. силами Университета, ВИЭМа и 2-го (теперь уже Санитарно-гигиенического) мединститута была проведена научная конференция памяти Петра Павловича Ив́анова. Встал вопрос об увековечивании его памяти и вспомнили о сборнике, который он готовил к печати незадолго до смерти, и который тогда предполагалось посвятить Ковалевскому. Но эти материалы во время войны были утрачены. Пришлось собирать сборник заново из черновиков и дубликатов, сохранившихся на работе и дома у авторов.

Нужно также отметить, что в первые послевоенные годы университетской лабораторией эмбриологии заведовал П. Г. Светлов, работал там также Л. Н. Жинкин; оба они приложили немало усилий для восстановления сборника. Стали появляться в лаборатории и студенты. Первой оказалась К. П. Ив́анова — младшая дочь Петра Павловича.

А в 1848 г. (после известной в истории советской биологии «Августовская сессия ВАСХНИЛ») П. Г. Светлов был уволен как вейсманист-морганист, и его временно заменял Л. Н. Жинкин. Клеопатра Петровна успела окончить университет до этой катастрофы (опубликованная ею позднее небольшая статья по развитию медузы

Aurelia представляет собой, надо полагать, ее дипломную работу), но больше биологией она не занималась.

Затем в 1949 г. лаборатория перешла под начало Б. П. Токина и приобрела статус самостоятельной кафедры эмбриологии, в штате которой не оказалось никого из учеников и сотрудников П. П. Иванова. А их работы представлены в вышедшем в том же году сборнике, посвященном его памяти.

Позднее, в 1954 г., Токин предложил мне должность доцента на своей кафедре, а после защиты мною докторской диссертации я стала профессором и проработала там до самой пенсии.

В заключение я опять нескромно скажу несколько слов о себе. В начале моей научной жизни мне посчастливилось иметь прекрасных учителей. Будучи студенткой, я специализировалась на кафедре такого блестящего ученого и педагога, каким был В. А. Догель; и я с величайшей благодарностью вспоминаю руководителя моей первой (еще дипломной) работы — А. П. Римского-Корсакова. Но основное направление всей моей научной работы на всю жизнь определили прочитанные «замогильным» голосом лекции П. П. Иванова.

Губин Г. Д.

**СВЕТЛАЯ ПАМЯТЬ ОБ ЕФИМЕ СЕМЕНОВИЧЕ
ГЕРЛОВИНЕ — ЗАВЕДУЮЩЕМ КАФЕДРОЙ БИОЛОГИИ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ МЕДИЦИНСКОЙ АКАДЕМИИ
им. И. И. МЕЧНИКОВА**

*Кафедра биологии (заведующий — проф. Г. Д. Губин)
Тюменской государственной медицинской академии*

Гавриил Державин однажды отметил, что

«Река времен в своем течении
уносит все дела людей
И топит в сумраке забвения
Народы, царства и царей».

Однако память и любовь сильнее самого времени. Если эта память светлая, глубокая, благодарная, непреходящая, то она сильнее времени и смерти!

Я вспоминаю о профессоре Е. С. Герловине с высоким чувством волнения и трепета, отделить его прекрасные высокие человеческие качества от его научного кредо, его научной школы морфологов с широким биологическим кругозором просто невозможно.

Я встретился с Е. С. Герловиным на ФПК в г. Москве в 1964 г., где мы — заведующие кафедрами биологии медицинских вузов из многих городов Советского Союза — проходили плановое и очень в то время добротное повышение квалификации. Это был год (1964), когда после страшного разгрома генетики в августе 1948 г. биологическая наука начала обретать свое истинное содержание, в курс биологии медицинских вузов вернули ее краеугольный камень — общую и медицинскую генетику.